

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 123–131.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 4 (85). P. 123–131.

Научная статья
УДК 94(470)“1941/1945”
doi: 10.54398/1818-510X.2025.85.4.011

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОККУПАНТОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РСФСР (1941–1944)

Красноженова Елена Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия
eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Аннотация. Актуальность исследования экономической политики нацистских оккупантов на Северо-Западе РСФСР обусловлена необходимостью системного анализа механизмов эксплуатации, которые стали инструментом не только экономического ограбления, но и целенаправленного уничтожения гражданского населения. Цель работы заключается в комплексном изучении структуры, методов реализации и социально-экономических последствий оккупационной экономической политики как целостной системы. Исследование базируется на ранее не публиковавшихся архивных материалах, включающих организационно-распорядительные документы оккупационных администраций, отчеты бирж труда и налоговых органов, статистические данные о нормах снабжения и ценах. Применение системного подхода, сравнительно-исторического и структурно-функционального анализа позволило выявить взаимосвязь всех элементов экономической эксплуатации. Научная новизна работы определяется введением в оборот новых архивных документов и комплексным анализом экономической политики как системы, все элементы которой работали на достижение стратегических целей Третьего рейха. В результате исследования установлено, что ключевые элементы оккупационной политики – система принудительного труда через биржи, целенаправленное создание голода, разветвленная налоговая система и подавление рыночных практик – образовали целостный механизм тотальной эксплуатации. Доказано, что экономическая политика была подчинена не только утилитарным задачам снабжения вермахта, но и реализации человеконенавистнических установок нацистской идеологии. Выявлена диалектическая связь между жестокостью экономического террора и ростом сопротивления: массовое истощение населения и систематический грабеж стали катализатором партизанского движения.

Ключевые слова: гражданское население, нацистская оккупация, экономическая эксплуатация, принудительный труд, биржи труда, продовольственное снабжение, налоговая политика, оккупационная администрация, сопротивление, Северо-Запад РСФСР

Для цитирования: Красноженова Е. Е. Экономическая политика оккупантов на Северо-Западе РСФСР (1941–1944) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 123–131. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.011>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE ECONOMIC POLICY OF THE OCCUPIERS IN THE NORTH-WEST OF THE RSFSR (1941–1944)

Elena E. Krasnozhenova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Abstract. The relevance of studying the economic policy of the Nazi occupiers in the North-West RSFSR stems from the need for a systematic analysis of exploitation mechanisms that served as

instruments not only of economic plunder but also of the deliberate destruction of the civilian population. The aim of this work is to comprehensively examine the structure, implementation methods, and socio-economic consequences of the occupation's economic policy as an integrated system. The research is based on previously unpublished archival materials, including organizational and administrative documents of the occupation administrations, reports from labor exchanges and tax authorities, and statistical data on supply norms and prices. The application of a systems approach, comparative-historical analysis, and structural-functional analysis has revealed the interconnections among all elements of economic exploitation. The scholarly novelty of the work is defined by the introduction of new archival documents into academic discourse and a comprehensive analysis of economic policy as a system whose components collectively served the strategic objectives of the Third Reich. The study establishes that key elements of the occupation policy – the system of forced labor through labor exchanges, the deliberate creation of famine, an extensive taxation system, and the suppression of market practices – formed a cohesive mechanism of total exploitation. It is proven that the economic policy was subordinated not only to the utilitarian tasks of supplying the Wehrmacht but also to implementing the misanthropic tenets of Nazi ideology. A dialectical relationship between the brutality of economic terror and the growth of resistance has been identified: the mass impoverishment of the population and systematic looting acted as a catalyst for the partisan movement.

Keywords: Civilian population, Nazi occupation, economic exploitation, forced labor, labor exchanges, food supply, taxation policy, occupation administration, resistance, North-West RSFSR

For citation: Krasnozhenova E. E. The Economic Policy of the Occupiers in the North-West of the RSFSR (1941–1944). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 4 (85), pp. 123–131. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.011> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Исследование экономической политики нацистских оккупантов на временно захваченных территориях Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 гг. представляет собой актуальное направление в современной исторической науке. Его значимость обусловлена необходимостью углубленного изучения механизмов функционирования оккупационного режима, стратегий выживания гражданского населения в условиях жесточайшей эксплуатации и формирования массового сопротивления. Анализ экономических практик оккупационных властей позволяет не только документально зафиксировать преступления против человечности, но и раскрыть системный характер нацистской политики, направленной на тотальное ограбление ресурсов и целенаправленное уничтожение значительной части местного населения через создание искусственного голода и принудительный труд. В условиях актуализации исторической памяти о Великой Отечественной войне и борьбы с попытками ревизии ее итогов подобные исследования имеют важное общественно-политическое значение.

Цель данного исследования – комплексный анализ структуры, методов реализации и социально-экономических последствий экономической политики нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР. В рамках достижения поставленной цели исследуются такие ключевые элементы этой политики, как организация системы принудительного труда через биржи, продовольственное обеспечение (или его преднамеренное лишение), налоговая система как инструмент ограбления, а также стихийные рыночные практики как форма адаптации населения к условиям террора и эксплуатации.

Научная новизна работы определяется комплексным подходом к изучению экономической политики оккупантов как целостной системы, все элементы которой (трудовая повинность, продовольственная и налоговая политика) были взаимосвязаны и подчинены единой цели – максимальной экстракции ресурсов. Исследование базируется на привлечении широкого круга архивных документов, многие из которых

вводятся в научный оборот впервые или получают новое прочтение, что позволяет детально реконструировать механизмы эксплуатации и их влияние на повседневную жизнь населения.

Историография вопроса прошла сложную эволюцию от работ, основанных на материалах Чрезвычайной государственной комиссии и носивших сугубо обвинительный характер, через фундаментальные, но идеологически детерминированные труды советского периода к современным исследованиям, опирающимся на широкий корпус ранее недоступных архивных источников. В советский период тема изучалась в рамках идеологизированной парадигмы, с акцентом на разоблачение преступлений нацизма и героизм партизан, однако многие научные проблемы, особенно связанные с коллаборацией и деталями хозяйственного управления, оставались недостаточно изученными. В 1990-е – 2000-е гг. произошел качественный перелом, связанный с введением в научный оборот новых документов как из российских, так и из немецких архивов. Значительный вклад в изучение конкретных механизмов оккупационной администрации, включая хозяйственные органы, внес Б. Н. Ковалев, чьи работы раскрывают структуру и практики управления на местах, включая экономические аспекты [2]. Важными представляются региональные изыскания, детально анализирующие повседневность и экономические стратегии выживания населения в условиях террора [1]. В последние годы появились труды, целенаправленно фокусирующиеся на экономике оккупации, как, например, работа С. В. Кулика, исследующая промышленную и аграрную политику захватчиков, их фискальные меры и систему принудительного труда [5]. Современные исследователи активно развивают антропологический подход, изучая не только институциональные основы, но и социально-экономические практики и стратегии взаимодействия населения с оккупационным режимом [4]. Таким образом, современная историография характеризуется отказом от упрощенных трактовок, комплексным анализом экономической политики как системы эксплуатации, тесно связанной с расовой идеологией нацизма, и вниманием к региональной специфике и человеческому измерению истории оккупации.

Источниковую базу исследования составляют документы из федеральных и региональных архивов, прежде всего Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Среди них можно выделить несколько ключевых групп: организационно-распорядительные документы оккупационных администраций и немецких комендатур; отчетные материалы бирж труда, налоговых органов и местных управ; статистические данные о нормах снабжения, ценах, заработной плате и налогах; донесения партизан и агентурные сводки, отражающие реакцию населения на политику оккупантов. Этот корпус источников позволяет провести детальный анализ заявленной проблемы.

Методологическая основа исследования строится на комплексном применении общенаучных и специально-исторических методов. Системный подход позволяет рассмотреть экономическую политику оккупантов как целостный механизм эксплуатации. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления ситуации в разных районах Северо-Запада и выявления общих закономерностей оккупационной политики. Статистический метод применяется для анализа количественных данных о нормах питания, динамике цен, размерах налогов и заработной платы. Структурно-функциональный анализ помогает раскрыть взаимосвязь таких институтов, как биржи труда, налоговая служба и продовольственная администрация. Метод источниковедческого анализа обеспечивает достоверность интерпретации привлекаемых архивных материалов. Сочетание этих методов позволяет достичь цели исследования и обеспечить научную обоснованность выводов.

Основная часть

Германия развязала войну против Советского Союза, руководствуясь стремлением увеличить «жизненное пространство» для своего народа. Это предполагало не только территориальную экспансию, но и эксплуатацию природных богатств

окупированных советских земель. Экономическая стратегия нацистов была неотделима от их идеологии, провозглашавшей, что Германия обязана захватывать ресурсоёмкие регионы для укрепления своего господства. Славянское население рассматривалось как источник сырья, а их территории – как база для снабжения немецкой армии и народа. Местное население принуждалось к труду, а его ресурсы систематически изымались [7, с. 126].

Планы Германии включали эксплуатацию ресурсов СССР: черноземные регионы должны были поставлять продукты, Кавказ – нефть и металлы, а промышленные центры – обеспечивать производство боеприпасов и ремонт техники. Восточный штаб экономического руководства («штаб Восток») разработал программу подчинения советской экономики интересам Рейха. После захвата территорий проводилась инвентаризация уцелевших предприятий, определялись их новые функции, а местное население принуждалось к работе под угрозой репрессий. Сельское хозяйство также подвергалось жесткому контролю: продукция вывозилась в Германию, а скот и трудоспособные граждане отправлялись на принудительные работы.

В начальный период войны Германия захватила значительные территории СССР, что позволило ей создать временную экономическую систему для снабжения армии. Промышленные предприятия перепрофилировались под нужды вермахта: ремонтировали технику, производили боеприпасы и ткани.

В период нацистской оккупации Северо-Запада РСФСР немецкие власти создали разветвленную систему принудительного труда, центральным элементом которой стали биржи труда. Эти учреждения, формально выполнявшие функции распределения рабочей силы, на практике превратились в инструмент тотального контроля и эксплуатации местного населения.

Организационно биржи труда создавались при городских и районных управах, находясь в прямом подчинении немецких комендатур. Их деятельность охватывала несколько ключевых направлений: проведение полного учета трудоспособного населения (мужчин 14–60 лет и женщин 14–55 лет), принудительное распределение рабочей силы между предприятиями, контроль перемещения работников и учет выполнения трудовых норм. Особый упор делали на поиск специалистов – инженеров, механиков и квалифицированных рабочих, которых массово отправляли на принудительные работы в Германию.

Процедура постановки на учет включала медицинский осмотр, проверку профессиональных навыков, заполнение подробной анкеты и фотографирование. Каждому зарегистрированному выдавалась специальная регистрационная карточка – документ, без которого передвижение по территории становилось практически невозможным [8, л. 37]. На оборотной стороне карточки делались отметки о месте работы, которые одновременно служили основанием для получения скудного продовольственного пайка [8, л. 40].

Трудоустройство через биржу носило обязательный характер. За уклонение от регистрации или работы предусматривались суровые наказания: конфискация продовольственных карточек, денежные штрафы до 500 р., арест с помещением в специальные лагеря или физические наказания (плети и избияния). Биржи труда поддерживали тесную связь с полицией, администрацией предприятий и жилищными управлениями, создавая систему тотального контроля. Ежемесячно предприятия обязаны были сдавать регистрационные карточки работников для соответствующих отметок.

Трудовая повинность охватывала всех граждан от 14 до 60 лет, а в экстренных случаях мобилизовали даже детей и пожилых [1, с. 57]. Никаких исключений не делалось – на тяжелые работы отправляли беременных женщин, кормящих матерей, больных и инвалидов.

Сферы применения принудительного труда были чрезвычайно разнообразны. На восстановленных промышленных предприятиях, таких как псковский завод «Пролетарий», рабочие производили меховые изделия для вермахта. Многочисленные

лесопилки и льноперерабатывающие фабрики работали на нужды немецкой экономики. В сельском хозяйстве оккупанты заставляли местных жителей убирать урожай, который почти полностью вывозился в Германию. Особенно тяжелыми были строительные работы – возведение оборонительных сооружений, ремонт дорог и мостов велся в авральном режиме, без элементарных условий безопасности.

Условия труда для мобилизованных через биржи были крайне тяжелыми. Трудовая смена продолжалась по 12–14 ч практически без отдыха, а скудный рацион едва поддерживал силы [2, с. 169]. Зарплата была мизерной и не позволяла даже нормально существовать. Например, в Порховском районе Псковского округа Ленинградской области среднемесячный доход мужчин составлял 280 р., тогда как женская заработная плата варьировалась в диапазоне 140–160 р. Наименьший уровень оплаты труда фиксировался среди несовершеннолетних работников – всего 45 р. ежемесячно. Проведенный анализ покупательной способности указанных сумм свидетельствует, что они покрывали лишь минимальные физиологические потребности: указанных средств хватало исключительно на приобретение ограниченного количества продуктов первой необходимости – 2–3 единицы хлебобулочных изделий либо одного гигиенического изделия (мыла) [12, л. 89].

Система продовольственного снабжения была структурирована по принципу минимального физиологического обеспечения, при котором нормы распределения продуктов рассчитывались ровно на грани выживаемости. Согласно архивным данным, суточная хлебная пайка для трудоспособного населения составляла 300 г, тогда как нетрудоспособные категории (дети и лица преклонного возраста) получали вдвое меньший рацион – всего 150 г. В сельской местности нормы были еще ниже, что приводило к массовому голоду. Так, жителям п. Торковичи Оредежского района Ленинградской области в декабре 1941 – январе 1942 гг. было выдано по 75 г ржи, 75 г ячменя и 100 г овса на месяц. На лесозаготовках в Лисино-Корпусе давали 300 г хлеба и 1,5 л жидкого супа – этого едва хватало для поддержания жизненных сил [11, л. 191].

Деятельность бирж труда имела катастрофические последствия для региона. Она привела к массовому истощению населения, росту смертности от непосильного труда, разрушению профессиональной структуры общества. Одновременно эта система способствовала росту поддержки партизанского движения, так как жестокость оккупационного режима вызывала все большее сопротивление.

Для поддержания дисциплины оккупанты применяли жестокие меры: физические наказания (вплоть до смертной казни за саботаж), штрафы, аресты с содержанием в специальных лагерях, угрозы репрессий против членов семьи. Особенно страшным наказанием было лишение продовольственных карточек, что фактически означало голодную смерть.

Несмотря на жесткий контроль, местное население находило способы сопротивления этой системе. Распространенными формами протеста стали сокрытие квалификации, подделка документов, умышленное снижение производительности труда. Массовый характер приобрели побег с мест работы и порча оборудования. Многие скрывали свою настоящую квалификацию, чтобы не попасть на особо тяжелые работы. Все это, вместе с жестокостью оккупационного режима, привело к массовому истощению населения, демографическому кризису и в конечном итоге к росту поддержки партизанского движения.

Система принудительного труда на Северо-Западе РСФСР стала одним из самых страшных проявлений нацистской политики «выжженной земли», оставив после себя не только разрушенную экономику, но и тысячи искалеченных судеб. Ее изучение важно не только как страница истории Великой Отечественной войны, но и как предостережение о том, к каким последствиям может привести политика тотальной дегуманизации.

Голод стал главной проблемой оккупированного населения. Люди питались картофельными лепешками, мхом, рябиной и даже отходами с немецких кухонь.

Дети-сироты и беспризорные оказались вне системы снабжения и вынуждены были попрошайничать или воровать. За попытки добыть еду оккупанты жестоко наказывали: арестовывали, избивали, а иногда и казнили. Известны случаи, когда немцы расстреливали детей за попрошайничество. Партизанские донесения сообщали: «Население Пушкина и Слуцка голодает, питается капустными листьями и картофелем» [11, л. 211].

Торговля в оккупированных районах была ограничена. Магазины открывались преимущественно в городах, но ассортимент был скудным: соль, табак, спички. В условиях жесточайшего экономического кризиса, вызванного нацистской оккупацией, рыночная торговля на Северо-Западе РСФСР превратилась в сложную систему выживания, где переплелись официальные ограничения и стихийные практики населения. Оккупационные власти, пытаясь установить полный контроль над товарооборотом, создали систему официальной торговли, включавшую городские магазины и регулируемые рынки. В районных центрах – Пскове, Луге, Порхове – были открыты магазины с крайне скудным ассортиментом: соль, спички, табак мыло. В городах Дно и Сольцы цены на товары первой необходимости достигали запредельных значений: коробок спичек продавали за 5 р., пачка табака обходилась в 75 р., столько же стоил и кусок мыла [10, л. 212]. Промтовары также имели завышенную стоимость – метр ситца оценивался в 200 р., пара кожаных сапог – в 1 500 р., а валенки и вовсе достигали цены в 2 000 р. Особенностью рынка, действовавшего в г. Дне, был крайне ограниченный ассортимент – здесь можно было приобрести лишь табак по 60 р. за пачку и водку, цена которой колебалась от 250 до 300 р. за бутылку [11, л. 28 об].

Натуральный обмен стал основным способом выживания для большинства граждан. Горожане меняли одежду и обувь на продукты у крестьян. Крестьяне везли в города продукты, выменивая их на последние ценные вещи горожан.

Однако оккупанты запрещали такие сделки, квалифицируя как «спекуляцию» [12, л. 231]. За «спекуляцию» (к которой относили любой неконтролируемый обмен) грозили расстрелом. Проводились регулярные облавы на рынках с полной конфискацией товаров. Была введена система пропусков для торговцев, что еще больше ограничило и без того скудный товарооборот. С июня 1942 г. был полностью запрещен вывоз продуктов из деревень.

Несмотря на запреты, торговля продолжалась скрытно: товары прятали, а сделки заключали тайно. Население изобретало различные способы обхода немецких запретов. Распространилась практика «бестоварных сделок» – условного соглашения на рынке с последующей передачей товара в укромном месте. Торговля часто велась ночью в пригородах, а в качестве посредников нередко выступали дети, вызывавшие меньше подозрений у патрулей [12, л. 211].

Таким образом, рыночная торговля сыграла ключевую роль в выживании населения. Она не только позволила людям продержаться в условиях голода, но и сохранила элементарные навыки товарно-денежных отношений, став основой для послевоенного восстановления торговой сети. Этот уникальный социально-экономический феномен продемонстрировал неэффективность административных запретов в условиях тотального кризиса и удивительную способность людей находить способы выживания даже в самых бесчеловечных условиях.

Налоговая политика оккупантов усугубляла материальное положение населения. На оккупированных территориях Северо-Запада РСФСР была создана разветвленная система налогов и поборов, превратившаяся в инструмент тотального ограбления местного населения. Эта система была направлена на максимальное извлечение материальных ресурсов для нужд вермахта и немецкой экономики.

Основу налоговой политики оккупантов составляла многоуровневая система обязательных платежей. Все гражданское население в возрасте от 14 лет облагалось подушной податью: мужчины платили 250 р. в год, женщины – 180 р. [10, л. 35]. В отдельных районах, таких как Порховский, эта сумма составляла 100 р. с человека. Особенно разорительными были налоги на скот и домашних животных: содержание

коровы обходилось в 500 р. ежегодно, лошади – 1 000–1 200 р., даже за собаку или кошку требовалось платить 35–60 и 25–30 р. соответственно [9, л. 402].

Наиболее тяжелым бременем для населения стали натуральные налоги. С каждой коровы крестьяне обязаны были сдавать 350–450 л молока в год (в некоторых районах по 2 л ежедневно), с курицы – 30–50 яиц [9, л. 402]. Землевладельцы отдавали оккупантам 30 ц картофеля и 300 кг зерновых с гектара. В зимний период вводились дополнительные поборы: каждое хозяйство должно было сдать пару валенок, овчину, носки и варежки, а деревни в целом – 2–3 кровати с постельными принадлежностями [12, л. 90].

Особое место в налоговой системе занимали различные разрешительные сборы. За получение справки о рождении взималось 10 р., за регистрацию брака – 100 р., за разрешение на строительство – 50 р. [9, л. 398]. Эти поборы дополнялись сборами на содержание местной администрации (5 р. на волостного старшину) и охрану инфраструктуры (10 р. на содержание мостов и дорог).

Для обеспечения бесперебойного поступления налогов оккупанты применяли жесточайшие меры принуждения. За неуплату налогов конфисковывали скот и имущество, брали в заложники членов семей. Известны случаи, когда за убий собственной свиньи крестьян подвергали смертной казни [9, л. 398].

Местное население пыталось сопротивляться налоговому гнету. Крестьяне скрывали реальное количество скота (например, вместо 5 кур указывали 2), переходили на содержание коз (козье молоко не облагалось налогом), придумывали ложные причины недопоставок.

Последствия нацистской налоговой политики были катастрофическими. Массовое изъятие продуктов и имущества привело к тотальному обнищанию населения и голоду. Однако эта же политика стала одной из важных причин роста партизанского движения. К 1943 г. многие крестьяне, разочарованные грабежами и насилием, стали поддерживать партизан. Жестокость оккупантов, доведшая людей до отчаяния, способствовала усилению сопротивления и в конечном итоге – освобождению захваченных территорий.

Таким образом, налоговая система на оккупированных территориях Северо-Запада РСФСР представляла собой тщательно продуманный механизм экономического ограбления, который сочетал формальную регламентацию с откровенным грабежом. Ее реализация привела не только к гуманитарной катастрофе, но и стала важным фактором, способствовавшим провалу планов нацистов по эксплуатации советских территорий.

Сопротивление оккупационному режиму проявлялось и в саботаже. Крестьяне скрывали урожай, портили технику, бежали с работ. Партизаны активно агитировали население, разоблачая планы нацистов. Оккупанты отвечали карательными операциями: сжигали деревни, конфисковывали продовольствие, угоняли молодежь в Германию.

Выводы

Исследование экономической политики нацистских оккупантов на территории Северо-Запада РСФСР позволяет сделать ряд основополагающих выводов, имеющих значение для понимания сущности оккупационного режима в целом. Анализ системы принудительного труда, продовольственного снабжения, рыночных отношений и налоговой системы в их взаимосвязи демонстрирует, что экономическая эксплуатация была стержневым элементом политики Германии на захваченных советских территориях. Эта политика, детерминированная расовой идеологией, была изначально нацелена на тотальное ограбление ресурсов и физическое уничтожение значительной части местного населения путем создания искусственных условий голода и непосильного труда.

Центральным элементом этой системы выступала организация принудительного труда через биржи, которая превратилась в инструмент тотального контроля и мобилизации. Как показало исследование, созданный аппарат учета и распределения

рабочей силы, подкрепленный жесточайшими репрессиями, обеспечивал бесперебойную эксплуатацию человеческих ресурсов как на месте, так и в рамках вывоза в Германию. При этом мизерная оплата труда и намеренно заниженные продовольственные нормы ставили работников на грань физического выживания, что было не следствием хозяйственной нерациональности, а продуманной мерой, соответствовавшей установкам на «высвобождение жизненного пространства».

Не менее значимым выводом является демонстрация системообразующей роли продовольственной и налоговой политики в механизме ограбления рассматриваемого региона. Дифференцированные нормы снабжения, фактически обрекавшие нетрудоспособные категории населения на голодную смерть, и разветвленная система натуральных и денежных поборов, доводившая хозяйства до полного разорения, работали на одну цель – максимальное использование всех доступных ресурсов. При этом, как свидетельствуют архивные материалы, любые попытки самостоятельного обеспечения, включая стихийную рыночную торговлю и натуральный обмен, жестоко подавлялись, что лишало людей последних шансов на выживание и подчеркивало карательную, а не хозяйственную сущность установленного порядка.

Важным аспектом, выявленным в ходе исследования, стала связь между экономическим террором и ростом сопротивления. Жестокая эксплуатация, массовый голод и систематическое насилие, воплощенные в повседневных практиках оккупационной администрации, не только привели к гуманитарной катастрофе, но и стали мощным катализатором для партизанского движения. Стратегии пассивного и активного сопротивления – от сокрытия урожая и квалификации до саботажа и ухода в партизаны – были прямой реакцией на бесчеловечную экономическую политику оккупантов. Таким образом, сама логика оккупации, направленная на тотальное ограбление, в значительной степени предопределила провал планов нацистов по долгосрочному закреплению на захваченных территориях.

В конечном счете экономическая политика нацистов на Северо-Западе РСФСР предстает как целостная, идеологически мотивированная система, все элементы которой были подчинены достижению стратегических целей Третьего рейха, включавших не только снабжение вермахта, но и реализацию человеконенавистнических планов в отношении народов СССР. Ее последствиями стали не только колоссальные материальные потери и демографическая катастрофа, но и глубокие социальные травмы, последствия которых ощущались долгие послевоенные годы.

Список источников

1. Асташкин, Д. Ю. Оккупация. Сопротивление. Возмездие: нацистский режим на Новгородской земле / Д. Ю. Асташкин, Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик. – Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т, 2016. – 275 с.
2. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России / Б. Н. Ковалев. – Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т, 2001. – 482 с.
3. Ковалев, Б. Н. Преступления нацистов и их пособников на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944 гг.) / Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик // Вопросы истории. – 2021. – № 3. – С. 76–84. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi06.
4. Красноженова, Е. Е. Хозяйственно-экономические особенности нацистской оккупационной политики 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) / Е. Е. Красноженова // Вопросы истории. – 2020. – № 11 (1). – С. 56–63. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi17.
5. Кулик, С. В. Экономическая политика гитлеровцев и советское сопротивление на оккупированной территории России 1941–1944 гг. / С. В. Кулик // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2007. – № 1. – С. 141–147.
6. Ковалев, Б. Н. Преступления нацистов и их пособников на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944 гг.) / Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик // Вопросы истории. – 2021. – № 3. – С. 76–84. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi06.
7. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Н. Мюллер. – Москва : Воениздат, 1974. – 386 с.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 69. – Оп. 8. – Д. 27.
9. РГАСПИ. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 11.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 34.
11. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 36.
12. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 8. – Д. 36.

References

1. Astashkin, D. Yu, Kovalev, B. N., Kulik, S. V. *Okkupatsiya. Soprotivlenie. Vozmezhdie: natsistskiy rezhim na Novgorodskoy zemle* [Occupation. Resistance. Retribution: The Nazi Regime in the Novgorod Land]. Veliky Novgorod: Novgorod State University; 2016, 275 p.
2. Kovalev, B. N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii* [The Nazi Occupation and Collaboration in Russia]. Veliky Novgorod: Novgorod State University; 2001, 482 p.
3. Kovalev, B. N., Kulik, S. V. Prestupleniya natsistov i ikh posobnikov na okkupirovannoy territorii Severo-Zapada Rossii (1941–1944 gg.) [The crimes of nazis and their accomplices in the occupied territory of North-West Russia, 1941–1944]. *Voprosy istorii* [Voprosy istorii]. 2021, no. 3, pp. 76–84, doi: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi06.
4. Krasnozhenova, E. E. Khozyaistvenno-ekonomicheskie osobennosti natsistskoy okkupatsionnoy politiki 1941–1944 gg. (na materialakh Severo-Zapada Rossii) [Economic and economic features of the nazi occupation policy: 1941– 1944. (based on materials from the North-West of Russia)]. *Voprosy istorii* [Voprosy istorii]. 2020, no. 11 (1), pp. 56–63, doi: 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi17.
5. Kulik, S. V. Ekonomicheskaya politika gitlerovtsev i sovetskoe soprotivlenie na okkupirovannoy territorii Rossii 1941–1944 gg. [The Economic Policy of the Hitlerites and Soviet Resistance in the Occupied Territory of Russia 1941–1944]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2007, no. 1, pp. 141–147.
6. Kovalev, B. N., Kulik, S. V. Prestupleniya natsistov i ikh posobnikov na okkupirovannoy territorii Severo-Zapada Rossii (1941–1944 gg.) [Crimes of the Nazis and their accomplices in the occupied territory of North-West Russia (1941–1944)]. *Voprosy istorii* [Voprosy istorii]. 2021, no. 3, pp. 76–84, doi: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi06.
7. Muller, N. *Verkhmakt i okkupatsiya (1941–1944). O roli verkhmakta i ego rukovodyashchikh organov v osushchestvlenii okkupatsionnogo rezhima na sovetskoy territorii* [The Wehrmacht and the Occupation (1941–1944). On the Role of the Wehrmacht and Its Leading Bodies in Implementing the Occupation Regime on Soviet Territory]. Moscow: Voenizdat; 1974, 386 p.
8. *Russian State Archive of Social and Political History*. Fund 69, inventory 8, case 27.
9. *Russian State Archive of Social and Political History*. Fund 625, inventory 1, case 11.
10. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Fund R-116 L, inventory 2, case 34.
11. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Fund R-116 L, inventory 2, case 36.
12. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Fund 69, inventory 8, case 27.

Информация об авторе

Красноженова Е. Е. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Krasnozhenova E. E. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 21.08.2025; одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 21.08.2025; approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.